

*Разве не знаете, что мы будем судить ангелов,
не тем ли более дела житейские?*

1 Кор. 6:3

ПРОЛОГ

Здесь нам не Юпитер.
Здесь всё иначе.

«Стрекоза» шла в пятидесяти тысячах километров над Кольцом, со стороны северного полюса Сатурна. Я развернул истребитель фонарём вверх и смотрел, как ползёт по делению Энке крошечная светлая точка — спутник Пан. Если вывести на оптически прозрачный титан кабины фотоувеличение, то спутник можно рассмотреть получше, но я всегда любил смотреть глазами, пусть это сейчас и странно.

Хотя Пан забавный, он похож на пельмень. Каменный тридцатикилометровый пельмень, прорубающий себе дорогу через Кольцо.

— Каппа-один, жду доклад, — раздался голос Эриха.

— Синий-два... — Я запнулся. — Каппа-четыре, всё чисто. Противника не наблюдаю.

— Так чего ждёшь? — раздражённо поинтересовался Эрих. — Давно кровью не потел?

Я кинул взгляд на индикатор. Зелёный, защита пока держит.

Но Эрих прав, как только вакуум сожрёт остатки защитной пены, доза резко поползёт вверх.

— Каппа-четыре, сбрасываю «шпы», — отрапортовал я.

Искин вычленил команду. По экранам пробежали символы активировавшихся цепей. Я шевельнул паль-

цами, подтверждая сброс, — и четыре активные мины выскользнули из отсеков «стрекозы». Развернув истребитель, я стал по дуге уходить от Кольца — не на форсаже, чтобы не терять лицо, но и не мешкая.

В системе Сатурна всё иначе. Магнитосфера тоже зверская, но слишком много операций приходится проводить вокруг Кольца, внутри гигантского бублика, заполненного частицами высоких энергий. Да и база расположена на Титане, а это вовсе не спокойная Каллисто. Поэтому защитная пена — обязательный атрибут любого вылета, а вместо ботов с щенами мы обычно экипированы «шипами», самонаводящимися термоядерными минами. Битвы чаще идут дистанционно, мы минируем зоны действия противника, а противник пытается подловить нас.

Наши истребители — те же самые «пчёлы», но здесь их называют «стрекозами», тяжёлые «осы» — «оводами», командирские «шершни» — «шмелями». Странно, но штабной «жук» и корабль наблюдения «бабочка» свои названия сохранили.

Вместо понятной цветовой схемы эскадрилий тут принят греческий алфавит. «Альфа», «бета», «гамма», «дельта», «эпсилон», «дзета», «каппа»... Спросите, а где же «эта», «тета» и «йота»? Да нигде! Выбросили, чтобы с «дзетой» не путались в радиопереговорах, перешли сразу к «каппе».

Взлётку здесь называют «стартом», сосок для подачи воды и пищи — «соской», умников — «головастиками», дитячество — «стоком»... В речи английских слов больше, а русских и китайских меньше.

Здесь нам не Юпитер.

— Каппа-два. — Это был Гиора. — Встреча в шестой отмеченной точке. Добираемся отдельно.

Вот и ещё одно отличие от системы Юпитера. Здесь эскадрильи чаще действуют разрозненно, а не группой,

собираясь вместе лишь перед выполнением задания. Наверное, это связано с частым использованием космических мин; влетев в опасную зону, эскадрилья может мгновенно погибнуть вся целиком.

— Искин, проложи курс, — велел я.

— Каппа-два, — опять встрял Гиора. — Вводная: искины поражены радиацией, прокладываете курс вручную.

— Каппа-один, принято, — сказал Эрих.

— Каппа-три, принято, — подтвердила Анна.

— Каппа-четыре, выполняю, — мрачно ответил я.

Формально командиром эскадрильи является Эрих. Но по факту управляет всем Гиора. Он командир первого крыла (спасибо, что хоть крыло тут не переименовали), но сегодня летает с нами. Принимает экзамен, так сказать. Решает, допустить нас к полётам или нет. По его щекастой ухмыляющейся физиономии и ровному голосу невозможно понять, доволен он нами или нет. А ещё Гиоре почти двадцать один год, он уже не подросток, а мужчина. Не погибал ни разу, живёт в своей первоначальной тушке!

Мне кажется, что Эрих воспринимает этот факт как личное оскорбление.

Пока «стрекоза» шла по траектории ухода, наращивая скорость, я вывел на экран шестую точку и стал рассчитывать курс. Наверняка Гиора слушает всё, что мы говорим, даже с отключенной связью, и контролирует использование искина. Так что придётся постараться.

А у меня ко всему даже альтера нет.

Точка шесть была на орбите Мимаса — не очень большого спутника с очень большим кратером, из-за которого он напоминал «Звезду смерти» из старого фантастического фильма. Я вывел на навигационный экран позицию спутника, посчитал несколько вариантов курса... Хорошо ещё, что Гиора не дал вводные о полном отключении компьютера.

В системе Юпитера расчёт занял бы у меня минут пять, за годы службы орбиты отложились в памяти так, что я всегда знал, где примерно находится тот или иной спутник. Здесь, в системе Сатурна, я провёл всего месяц, и приходилось постоянно подглядывать в навигационные таблицы. Так что работу, которая у искина заняла бы секунд десять, я выполнял четверть часа.

Путь к Мимасу, даже с максимально доступным «пчеле»... тьфу, «стрекозе» ускорением, занимал шесть часов. Это ещё ничего, это ещё терпимо.

Я проложил траекторию, задал контрольные точки, моменты коррекции, а потом запустил двигатели на разгон. Костюм раздулся, отжимая кровь к голове — по приборам истребитель разогнался со скоростью больше трех «жэ».

Всё здесь не так.

База такой же конфигурации, но некоторые помещения поменяли местами. Окраска стен другая. Запах другой. Еда другая. Пилоты иначе себя ведут, и дело не в том, что мы не знакомы, они как-то по-другому ко всему относятся.

А самое главное — они воюют иначе! Нет никаких яростных схваток, есть долгие перелёты, скрытные установки мин, очень редко — обстрелы ракетами с дальних дистанций.

Если служба у Юпитера — это как игра в регби или хоккей, со стремительными проходами и силовыми схватками, то здесь какой-то унылый кёрлинг. Запустил мину, проследил траекторию, подправил, если что...

Зато и умирают пилоты куда реже. Процентом семьдесят — парни и девушки старше восемнадцати (ну, на самом деле мы все старше двадцати, только тела, в которых мы возрождаемся, — детские). И живут они совершенно иначе. Обычно парами, никто на это косо не смотрит. Ходят в бары, пьют там пиво, а то и чего покрепче (у нас не больше десятка пилотов получило

такую привилегию). Тусят с персоналом вовсю. Дружат с морпехами и головастиками, а порой ссорятся и устраивают потасовки... На губе всё время кто-то сидит, но зазорным это не считается. Над теми, кто умер и родился в дитячестве (здесь их называют «инфантами»), откровенно насмеваются.

Если это взрослая жизнь, то не очень и хотелось.

Датчик присутствия пискнул и завёл свою песню: «Пи-пи, пи-пи-пи, пи-пи, пи-пи-пи». В пространстве поблизости кто-то есть — или ангел, или демон.

— Каппа-один, — немедленно сказал Эрих. — Ищем. Не отвлекаемся.

Датчик сменил тон: «Бом-бом-бом. Бом-бом. Бом-бом-бом».

— Каппа-один, — мрачно произнёс Эрих. — Наблюдаю разрушителя и четырёх повелителей тьмы. Падшие на расстоянии сорок тысяч, сопровождают конвой. Вонючек не фиксирую.

— Каппа-два, — сказал Гиора. — Вонючки — это у вас. У нас — тварики.

— Тварики не наблюдаю, — ледяным тоном подтвердил Эрих. Точнее — хотел бы сказать таким тоном, уверен. Но Эрих в дитячестве, как и все мы, нашим тушкам по двенадцать лет, а ледяным голосом в таком возрасте сможет говорить разве что снеговик.

Так что Эрих пропищал свою фразу тоненьким и ещё не начавшимся ломаться голосом. И он сам это понимал.

— Каппа-два, — продолжал Гиора. — Как мы поступим?

— Передаём информацию на Титан. Следуем прежним курсом, продолжая наблюдение.

— Верно.

Некоторое время мы летели в тишине. Я разглядывал на экране отметки падших, плывущих перед кораблями конвоя. Я знаю, что в этих огромных кораблях —

водород из атмосферы Сатурна. Я знаю, куда его везут — к точке вблизи Юпитера, где конвои ангелов и падших, отбросив на время вражду, выливают (да, именно выливают) жидкий водород в вакуум. А там, вопреки нормальным законам физики, газ формирует трехсоткилометровый вращающийся диск.

Зачем?

Спросите что-нибудь полегче.

Почему у планет-гигантов ангелы и падшие лупят друг друга изо всех сил, а на космической стройплощадке игнорируют и работают вместе?

Тоже не знаю.

Возможно, мы единственные из людей, кто видел эту исполинскую небесную грампластинку. А может, про стройку давным-давно известно всем тем, кому положено. Нам, мёртвым пилотам, о таких мелочах не сообщают, наше дело — воевать на орбитах мёртвых планет.

Я потянулся к соску... ах, простите, соске. Попил водички. Потом похлебал овсяного киселя с клюквой. Его мало кто любит, а мне нравится.

Кабина истребителя. Маленькая, а если вы любите прятаться в шкафу, то даже уютная. Есть одно кресло, на нём противоперегрузочный костюм, который подгоняется под наши тела, пережимает сосуды при разгоне и маневрировании, согревает и охлаждает, впитывает выделения — в общем, это такой высокотехнологичный подгузник с массой дополнительных функций.

Над головой — фонарь кабины, до него можно дотянуться рукой, он из ячеистого титана, похожего на прозрачные пчелиные соты. Каким образом титан сделали прозрачным, я не знаю, но это именно окно, а не экран.

Экраны повсюду: впереди, по бокам, даже под ногами есть небольшой экран.

Если выбраться из костюма, что все мы периодически проделываем, то можно вытянуться. Пока ты в дитяче-

стве — даже в полный рост. Но вот Эрих, когда был почти взрослым, встать бы уже не мог, хотя он и невысокий.

Я ещё некоторое время наблюдал за падшими. Потом стал смотреть на Сатурн и Кольцо.

Сатурн, на самом деле, совсем не такой впечатляющий, как Юпитер. Он серовато-жёлтый, почти однотонный, опоясанный кольцевыми вихрями, но почти без ураганов вроде Красного пятна на Юпитере. Только на северном полюсе Сатурна вращается гигантский ураган-шестиугольник, пронизанный молниями и северными сияниями. Но из нашей позиции полюс видно плохо.

Само Кольцо красивое, чего уж тут. Выглядит внушительно, будто твёрдое. Даже трудно поверить, что оно на самом деле толщиной всего в десяток-другой метров.

Что, не знали? В кино отважные пилоты проносятся сквозь кольца планет-гигантов, расстреливая камни из лазерных пушек и уворачиваясь от мчащихся валунов. Кольца огромные, толщиной в десятки, а то и сотни километров... Ну так это кино. А на самом деле для такого приключения надо как дураку помчаться внутри Кольца, а не над или под ним! Если рискнуть и пронестись сквозь Кольцо, то вполне может и повезти не врезаться ни в сантиметровый кристаллик льда, ни в десятиметровый валун.

А уж если не повезёт, то на космических скоростях тебя убьёт и кубик льда.

— Эскадрилья каппа! — голос Гиоры был суровым и встревоженным. — Приказ базы! Немедленно атаковать падших! Вводная: между нами и падшими вероятны минные поля.

— Каппа-один, — немедленно ответил Эрих. — Действуем по готовности. Сосредотачиваемся на разрушителе.

— Каппа-два, — встрял Гиора. — Это так у вас принято воевать? Без чёткого плана?

— Каппа-один, — сказал Эрих. — Каппа-два, объявляю вам взыскание за постороннюю болтовню в боевой ситуации.

Гиора фыркнул и захохотал.

Я тем временем разворачивал истребитель. Даже на максимальном ускорении нам придётся догонять падших больше часа, прежде чем мы сможем открыть огонь...

Да что за чушь, что нам хотят доказать?

Только у Эриха есть запасная тушка, да и то на Каллисто. Если он погибнет — его отбросит туда.

А мы с Анной просто погибнем. Клоны у нас слишком малы, чтобы их мозг смог принять сознание через квантовую связь. В лучшем случае забудем, кто мы такие, как случилось с Хелен...

— Каппа-два, — продолжал тем временем Гиора. — Фиксирую сигнатуры твариков на хвосте.

Мы все видели вражеские истребители, возникшие ниоткуда. Датчик присутствия верещал что было сил: «Ту-ту-ту-ту-у! Ту-ту-ту-ту-у!»

Я щёлкнул пальцами, отключая датчик. Всё было просто и понятно.

Разделённые тысячами километров, движущиеся по огромным дугам, мы были зажаты между падшими, твариками и Кольцом. У нас не было никакого шанса не то что победить, но даже и сбежать.

— Каппа-один. Врассыпную, уходим, — сказал Эрих.

Он был ближе всех к Кольцу и сделал то же, что сделал бы в такой позиции и я. Через пятнадцать минут, когда тварики дали первый, пристрелочный залп, Эрих набрал максимальную скорость и пошёл сквозь Кольцо. Он запустил лазер в защитном импульсном режиме и открыл огонь из кинетики, расстреливая пространство перед собой пакетными зарядами.

Вообще-то бывший командир второго крыла такой везучий, что я даже удивился, когда, проходя через

двадцатиметровую плоскость Кольца, его «стрекоза» полыхнула кроваво-красным и исчезла с экранов.

— Вот так оно обычно и бывает, — мрачно прокомментировал Гиора.

— Анна, сквозь не пройдем, — сказал я.

Мы с ней были дальше от Кольца, и у нас оставались ещё какие-то варианты. Два повелителя тьмы отделились от конвоя и поплыли нам навстречу, окружённые тускло-зелёным ореолом.

— Двигаюсь над Кольцом, попытаюсь нырнуть в щель Килера, — сказала Анна.

Её истребитель стремительно тормозил и ложился на курс параллельно Кольцу.

— Ребята, для меня было честью служить с вами, — сказал Гиора проникновенно.

— Пошёл ты... — откликнулась Анна.

Следующие две минуты она красочно описывала все маршруты, которыми должен следовать Гиора. Поверьте, анус дохлого слона был самым скучным из всех.

Её истребитель уничтожил повелитель тьмы. Он был так далеко — здоровенная фигура, похожая на человека с крыльями, — что я ничего не ожидал. Как и Анна, наверное. Повелитель тьмы снизился до самого Кольца, может быть, даже коснулся его, оптика истребителя таких деталей не покажет. И что-то сделал, вроде как топнул ногой по несущимся камням.

У падших другие отношения с физикой, как я уже говорил. Ему не снесло ногу, а вот по камням понеслась, перескакивая через пустоту, ветвистая синяя молния. Она догнала «стрекозу» Анны, окутала — и дальше истребитель летел уже мёртвый, не подавая сигнала.

— Каппа-два на связи, — любезно обозначился Гиора. — Такие номера только повелители тьмы откалывают. Можно сказать, их фирменный приём.

Я молчал.

Я пытался увернуться от настигающих сзади ракет, уйти подальше от повелителей тьмы и не слишком приблизиться к Кольцу.

И у меня почти получилось.

— Минное поле, — сказал искин.

Передний экран покрылся рябью оживающих мин, посеянных врагами над Кольцом. Мины выходили из маскировки, включали двигатели и неслись к истребителю. Я летел прямо им навстречу, и даже «жук» с его куда большей тягой не успел бы тут отвернуть...

Ну и я не успел.

Экраны полыхнули белым, и наступила тьма.

— Твою мать, Гиора! — закричал я. — Это нечестно, не бывает такой невезухи!

— Ещё как бывает, — сказал Гиора назидательно.

Включилось слабое аварийное освещение.

Я разблокировал фонарь, дёрнул рычаг. Фонарь с шипением открылся, дохнуло воздухом — чуть более свежим, чем внутри тренажёра.

Расстегнув костюм, я встал и высунулся из кабины до пояса. В тренировочном зале базы Титан стояли четыре «стрекозы», точнее, симулятора «стрекоз», два симулятора «оводов» и один — «шмеля». Ближняя стена была прозрачной, за ней виднелся зал управления. Две молодые девицы сидели за пультом, пили кофе и посмеивались, глядя на меня.

Клацнули и открылись ещё две кабины. Из одной высунулся Эрих — тощий, белобрысый, взъерошенный и злой. Из другой — Анна. Она помахала рукой Эриху, потом мне. Достала белую сорочку, нырнула в неё и лишь потом стала выбираться из кабины.

Я спустился обратно в кабину и натянул шорты. Странно, но на Каллисто никто из нас не стеснялся наготы, забираясь в истребитель или выбираясь из него. Мы и в душевых мыслих вместе. Это всё было... ну, как-то неважно. Мы были одной семьёй.

А вот здесь мы в лучшем случае в гостях. И я не хочу, чтобы эти девушки из персонала видели меня голым, да ещё и таким... мелким.

Спрыгнув с крыла (тренажёр копировал «стрекозу» вплоть до деталей, даже макеты ракет подвешены), я в пару прыжков приблизился к четвёртой «стрекозе». Сила тяжести на Титане была привычная, почти как на Каллисто. Я несколько раз стукнул по кабине снизу, будто Гиора мог меня услышать.

— Кого ищешь, паренёк? — раздалось из-под потолка. Я повернулся.

Ну конечно!

Стал бы Гиора сутки сидеть в кабине тренажёра! Он стоял в зале управления, за спинами девушек, пил пиво из бутылки и улыбался.

— Могли бы ещё потренироваться, — сообщил Гиора через громкую связь. — Но у меня дела, да и так всё ясно.

— И что вам ясно? — выкрикнул Эрих с вызовом. Это в кабине истребителя мы все «на ты».

— Может, у Юпа вы и молодцы-красавцы, — сказал Гиора. — Но у нас, у Сатурна, так летать нельзя!

Он сделал ещё глоток и поставил бутылку на стол. Тягуче произнёс:

— Будь у вас тушки, поучились бы в реальных полётах. Но в вашей ситуации... Отдыхайте, детки. Завтра идите к начальству, пусть оно решает, куда вас пристроить.

— Зараза, — тихо сказала Анна.

Гиора, конечно, был тот ещё тип. Но...

— Он прав, — сказал я. — У нас нет тушек.

У Эриха и Анны они остались на Каллисто, мы даже не знаем, сработает ли воскрешение на таком расстоянии. Мы — сбитые лётчики.

...А ведь месяц назад всё начиналось почти хорошо!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Между Юпитером и Сатурном лежит бездна. Солнце в четыре раза ближе к Земле, чем Юпитер к Сатурну, даже при их максимальном сближении.

Я висел внутри левого обзорного купола. За спиной меня ожидало открытое кресло первого пилота, но сейчас, в невесомости, в нём не было нужды.

Обзорные купола в рубке «жука» выдаются вперёд, придавая штабному кораблю характерный пучеглазый облик. Из-за этих фасеточных куполов, за которыми торчат стволы лазерных излучателей, да ещё четырёх раскрывающихся крыльев-теплообменников сверху, корабль и получил своё название. Со стороны он и впрямь похож на майского жука, особенно когда реактор работает и крылья раскрыты.

Я смотрел в пустоту.

Нет, наверное, в Солнечной системе более ужасающего места, чем бездны между двумя планетами-гигантами. От Земли до Марса не так уж и далеко, да и Солнце там куда ярче. Между Марсом и Юпитером лежит пояс астероидов — о, конечно, он совсем не похож на мультяшную суету из несущихся одна за другой скал, но всё же... А вот начиная с Юпитера, расстояния обретают иной размах.

При нынешнем расположении планет (весьма удачном) нам предстояло преодолеть миллиард километров пустоты. По меркам Вселенной — ничто. По челове-

ским — вечность. Если бы человек мог преодолеть этот путь пешком, он шёл бы тридцать четыре тысячи лет. Это весь срок существования человеческой цивилизации — от пещерных времён и до наших дней.

Немного самонадеянно считать, что мир таких размеров, с септиллионом звёзд и планетных систем, был сотворён ради человека, верно?

Но, по крайней мере, я могу им любоваться.

Тьма, усыпанная звёздами. Говорят (сам я могу опираться лишь на обрывки воспоминаний настоящего пилота Святослава Морозова), что с Земли звёзды не так красивы. Атмосфера рассеивает и размывает цвет, Сириус и Вега из голубых становятся бело-голубыми, Бетельгейзе из яркой оранжево-красной звезды превращается в бледно-красную, и даже пылающий, будто рубин, Антарес становится тускло-багровым. К тому же многих звёзд с Земли просто не видно.

Передо мной разлилось звёздное море. Голубые, белые, жёлтые, оранжевые, красные, не мерцающие, пылающие ровным чистым огнём звёзды. Яркая желтоватая точка — Сатурн. С такого расстояния невооружённым глазом колец не увидишь, но я знал, где его искать.

Бесконечность.

Смертельная и прекрасная пустота.

Когда люди осознали размеры Вселенной, вышли в космос, увидели планеты у чужих звёзд — вера в Бога стала уделом тех, кто умирает и готов схватиться за любую соломинку. И политиков, конечно, потому что любая вера — отмычка, взламывающая разум.

Но потом на Землю пришли ангелы и демоны. И всё снова смешалось.

Мне двадцать лет. Я выращенный на Луне клон земного пилота Святослава Морозова, он — моя основа. Нас таких около тысячи, мы созданы из живых клеток или мёртвого праха, среди нас есть те, чьи основы под-

нимались в воздух в самом начале двадцатого века, те, кто сражался друг с другом в Первой и Второй мировых войнах, дрался в небе Вьетнама, Кореи, Египта и России, своими глазами видел пришествие ангелов и демонов.

Мы — мёртвые пилоты.

Мы сражаемся на стороне Ангельской иерархии у Марса, Юпитера и Сатурна. Мы гибнем, а квантовая запутанность переносит наше сознание в тушку следующего клона. Раз за разом мы откатываемся в свои двенадцатилетние тела, рисуем на пятке следующего клона новую цифру и идём воевать. У меня на левой подошве полустёртая цифра «8», это означает, что я умирал уже семь раз.

Наша психика издёргана сменой тушек и гормональными перепадами, тела страдают от слабой силы тяжести и лучевой болезни. В нашем сознании сформирована вторая личность, альтер — собеседник и помощник. Иногда это счастье, а иногда проклятие. Наши лучшие друзья — щены, такие же бессмертные собаки, пилотирующие боевые боты. Мы защищаем Землю, которую не помним. А может, и не защищаем, может быть, Земля откупилась нами, выплатила дань Ангельской иерархии.

Да, ещё мы любим мороженое, мультики и компьютерные игры — как дети.

Зато я влюбился в ангела.

И болтаюсь сейчас в рубке угнанного с Каллисто штабного корабля «жук» на пути от Юпитера к Сатурну.

Впереди ещё долгий путь, и я могу наслаждаться тишиной и красотой межпланетного пространства.

— Не буду я этого делать в кровать!

Я зажмурился что было сил. Голос Хелен, донёсшийся из жилого отсека, был хоть и тихий, но до невозможности дитячий и от этого пронзительный. Почти все пилоты, возродившиеся в новом клоне, говорят пискля-